

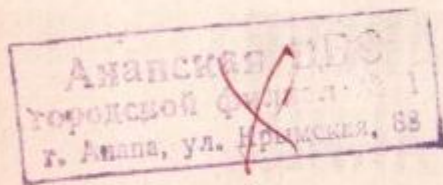
И. Горлова
А. Манаенков
В. Лях

КУЛЬТУРА
КУБАНСКИХ
СТАНИЦ

1794-1917

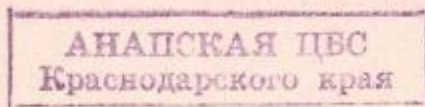
63.3(2P37)
Г-69

ЖС.

№ 19 СКР

55545/41
13

№ 93

Исторический обзор ученых охватывает более чем вековой период культурной жизни Кубани — 1794—1917 гг. Издало по заказу Краснодарского государственного института культуры.

© И. Горлова, А. Манаенков, В. Лях, 1993 г.

ВВЕДЕНИЕ

У каждого дерева есть свои корни. И чем они глубже уходят в землю, тем крепче и мощнее ствол. На нынешнем этапе развития общества важно обратиться к своим корням. Академик Д. С. Лихачев пишет: «каждый культурный подъем в истории так или иначе связан с обращением к прошлому... Обращение к старому, возрождение старого, сохранение его — это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории».

Чрезвычайно глубокие корни имеет культура казачества, сельского жителя Кубани. Известный исследователь кубанского казачества, казачьего, крестьянского хозяйства и быта народов, населяющих Кубань. Федор Андреевич Щербина писал: «Кубань имеет тройную историю: 1) предысторию, 2) историю народов, временно оседавших на Кубани и 3) историю Кубанских Казаков... По письменным источникам древнейших классических писателей эта тройная история тянулась не менее 2500 лет, а по данным исторической археологии она восходит до самой глубокой древности существования первобытных людей».

Тройственная история Кубани сложилась из смены целого ряда народов и смешения их культур. Первыми зодчими первобытной культуры на Кубани были, по-видимому, арийцы, а их непосредственными наследниками — аборигены киммерийцы. Высшие формы культуры насаждали на Кубани греки и итальянцы. Кочевые народы оставили в городищах, курганах и могильниках следы более примитивной культуры сравнительно с греческою и итальянскою. И только в начале 19 столетия на Кубани осело в значительной массе украинское население и, в меньшей по численности, русское население, принесшие свои готовые украинскую и русскую культуры.

В конечном итоге история Кубани распадается на

родными верхами Кубани и трудовой массой иногородней и казачьей бедноты.

Положение трудящихся масс в Кубанской области и Черноморской губернии, как и во всей России, было тяжелым. В сельском хозяйстве рабочий день был продолжительнее, чем в промышленности, не регламентировался законодательством. Летом он колебался от 13 до 22 часов.

Вероятная численность сельского пролетариата в Кубанской области колебалась от 56 тысяч в зимние месяцы до 200 тысяч человек во время весенне-летних работ.

Численность сельскохозяйственных рабочих на Кубани в начале XX века составила примерно 400—450 тысяч человек, из которых три четверти являлись местными пролетариями. Но в том и другом случае несомненно, что сельскохозяйственный пролетариат Кубани в несколько раз был многочисленнее промышленного пролетариата.

Сельскохозяйственный пролетариат подвергался непосильной эксплуатации. В кулацких хозяйствах и имениях работали «от зари до зари». Группа сельскохозяйственных рабочих и работниц Екатеринодарского опытного поля писала: «Мы работаем с пяти часов утра и до семи часов вечера, т. е. фактически сорок два часа, и получаем тридцать-тридцать пять рублей в месяц. Непосильный труд, плохие харчи вконец изматывают нас...».

В революцию 1905—1907 годов, под влиянием рабочего движения, на борьбу поднималось и крестьянство. Первое массовое выступление на аграрной почве произошло 16 августа 1905 года в Ейске, в результате которого назначенные на этот день городской управой торги на сдачу в аренду паевых участков выгонной городской земли, были сорваны. Это выступление было подготовлено местной социал-демократической группой и проходило под ее руководством. Причем, выступившим удалось добиться выполнения своих требований. Дума пошла на уступки, и земля была роздана по жребию.

В октябре-ноябре 1905 года происходило нарастающие крестьянских выступлений на Кубани. Декабрь

был месяцем наивысшего подъема крестьянского движения. Наиболее распространенными формами крестьянских выступлений являлись сходки, митинги и демонстрации, на которых составлялись приговоры и наказания. Многолюдные митинги в декабре имели место в станице Полтавской (до 4000 человек), Петровской (до 3000 человек), Павловской (до 1000 человек), Славянской (5000 человек).

В непосредственном общинном владении казачьих станиц находилось 60,6 процента земель области.

К началу 1905 года произошло значительное уменьшение земельного казачьего пая (с 30 десятин в середине XIX века до 10—12 десятин на душу населения мужского пола в 1905 году), одновременно возросла стоимость военного снаряжения, которое казак должен приобретать за свой счет. Малоземельные, разоряющиеся казаки, недовольные хозяйничанием помещицкой войсковой клики, также приняли участие в революции 1905 года.

Процессы становления и развития капиталистических отношений оказывали определяющее влияние на прогрессивное развитие культуры Кубани. Военизированный быт казаков накладывал отпечаток на общественную, культурную жизнь населения.

Многообразные культурные функции были присущи кубанскому сельскому жителю на протяжении всей истории. Высокий духовно-нравственный потенциал традиционной крестьянской украинской и русской культуры был надежной гарантией против духовного разложения. Лучшая часть казачества всегда сохраняла живую связь с народом, верность прогрессивным, глубоко демократическим национальным традициям. Ядром ее стало добросовестное отношение к труду, любовь к земле. Фактом является то, что до октября семнадцатого года значительная часть власти принадлежала общине.

Казачьи общины строились на основе признания свободы и равенства, и «хотя богатые представители их фактически всегда выступали господствующим слоем, наиболее характерной чертой казачьего общежития оставалось вольнолюбие. Казачья вольница была одним из самых ярких и последовательных выражений

самобытного демократизма, достигнутого человеческим обществом в мрачную эпоху средневековья».

Конечно, мы далеки от идеализации культуры станиц, дореволюционной жизни кубанского казачества. Было в них немало отжившего и архаичного, шли тревожные процессы социального расслоения, использовались отсталые методы труда. Но не это было главным, и наступившая революция показала, что несмотря на большие колебания, сельский житель поддержал новую власть, надеясь найти у нее поддержку. Народы Кубани оказывали положительное влияние на социальную и культурную жизнь горских народов.

В процессе культурного взаимодействия с коренными народами Северного Кавказа соседнее русское население, в свою очередь, заимствовало многие культурные достижения. Это более всего относится к области материальной культуры, хорошо приспособленной к местным условиям. Кубанское казачество переняло у соседей — горцев ряд орудий труда и домашних ремесел, в особенности жилища и его интерьера, многое в одежде и вооружении.

«Культура Кубани — составная часть русской национальной культуры». Изучение истории культуры Кубани — важнейшая задача историков. Необходимость ее решения давно назрела, так как возникло явное несоответствие между степенью изученности социально-экономических процессов, с одной стороны, и культуры края — с другой. Огромная роль в этом принадлежит изучению, сохранению и развитию богатств традиционной народной культуры, в том числе культуры народов Кубани.

Источниковедческую, историческую основу работы составили значительное количество документальных материалов государственного архива Краснодарского края (ГАКК), материалы дореволюционной центральной и местной печати конца XVIII — начала XX века: «Кубанские войсковые ведомости», «Кубанские областные ведомости», «Черноморское побережье», «Кавказ» и другие.

В книге использована монографическая, научная, общественно-политическая и художественная литература, материалы сборников, хрестоматий, справочных из-

даний статистических комитетов, где печатались статьи о заселении Черноморья, об истории Кубанского казачьего войска, просвещении, рецензии о работах кубанских литераторов, деятельности культурно-просветительных обществ, о праздничных обрядах, песнях, библиотечного дела, книжной торговли.

Важным источником явились также работы и труды кубанских ученых Агаповой Т. И., Анфимова Н. В., Лутлева М. Г., Бардадыма В. П., Бондарь Н. И., Громова В. П., Джимова Б. М., Еременко Е. И., Захарченко В. Г., Зырянова Ф. П., Куценко Я. И., Куценко И. И., Комиссинской Л. В., Мишч С. С., Недосекина В. И., Ратушняка В. Н., Серовой М. И., Слепова А. А., Трехбратова Б. А., Слуцкого А. И., Черникова В. Н., Чучмай Г. Т. и других.

Кубанские ученые и краеведы обнародовали много сведений о дореволюционной культуре Кубани, особенно по периоду ее истории — пореформенному. Помещенный в конце книги список источников показывает, что несмотря на обширную историографию, заметное усиление внимания к проблемам дореволюционной истории Кубани, ряд вопросов продолжает оставаться вне поля зрения исследователей. В частности, нет специальной работы по истории культуры кубанских станиц в дореволюционное время.

В исторической литературе еще не получили достаточно четкого и обстоятельного освещения такие принципиально важные вопросы, как становление и развитие системы просвещения, профессиональных школ, курсов и т. д. Нет специальных исследований таких важнейших вопросов, как истории возникновения общественных культурно-просветительных организаций, сети внешкольных учреждений. Остается не до конца изученным вопрос пропаганды литературы и искусства в станице.

Изученные и публикуемые нами основные источники и исследования по истории культуры народов Кубани позволяют проследить закономерности общего сложного процесса становления и развития культуры кубанских станиц, изучение которых является одной из задач советской исторической науки.

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ И СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Общеобразовательная школа, вся система народного образования складывались на Кубани постепенно и прошли сложный путь развития. Существуют различные мнения по поводу возникновения первых учебных заведений в Черномории. Так, в историческом очерке «Краснодар» авторы утверждают, что открытая в 1803 году, по настоянию передовых людей Екатеринодара, первая начальная школа, долгое время оставалась единственным учебным заведением во всей Черномории.

Другой известный исследователь Кубанского края В. Бардадым пишет, что известный просветитель Черномории К. Россинский в 1812 году открывает постепенно в станицах Таманской, Щербиновской, Брюховецкой, а в 1815 году в Гривелеской, позднее в Роговской, Темрюке школы. Он же отмечает, что станичные общества Медведовской, Кушевской, Леушковской, Пластуновской и некоторые другие буквально через несколько лет «ознаменовались рвением, учреждая у себя столь полезнейшие заведения (т. е. школы) и возбуждая к тому ревность прочих селений».

Имеются сведения, что в январе 1794 года в курене Платнировском была построена первая хата и тут же школа. Нередко, наряду с образованием станиц, селений, хуторов казаки и иногородние обзаводились и школой. Конечно, эти школы были доморощенными, примитивными. А в основном, чтению обучали в куренях, а письму — в канцеляриях. Занятия вели лица духовного сословия, местные грамотей, писари. Именно казачьи канцелярии, присутствия, приходские дома, долгое время в Черноморском войске служили своего рода учебными заведениями и зависели от настроения учителя и качества оплаты его труда родителями учащегося.

Исследователь дореволюционной школы Н. Ф. Блюдов так характеризовал школу одного приходского дьякона:

«Не был длинен этот путь (к просвещению), но шел по скалистой и крутой стороне Парнаса. От цветущей долины первых игр детства до чернильной вершины войскового Парнаса считалось три поприща: грамота, часословец и псалтырь. Последний шаг на каждом из трех поприщ ознаменовался трифлефом. Школяр, делающий победоносный переходный шаг, являлся в обитель науки в праздничном кафтане и с таким большим, как сам почти, горшком каши. На поверхности горшка подлежали дары наставнику: кусок шелковой материи и медный ключ к дверям дальнейшей грамотности — гривни медных денег. Сблаговолит принять дары, учитель повелевал ученикам закрыть книги — что исполнялось с живейшим удовольствием, ставил между неукусной умственной пищей вкусную кашу и погружал в недра символического явства ложку — сам и птенцы его. По окончании трапезы наставник выходил из храма Миневры, за ним в шумном шествии ученики выносили пустой горшок и вешали его на самый высокий кол плетня. Потом с расстояния, указанного перстом наставника, камнями разбивали сосуд. По совершению такого поступка будущие казаки бросались подбирать черепки, и кто успел нахватать их больше, тот удостоивался одобрения из уст педагога.

Чтобы направить народное просвещение в нужное русло, войсковой атаман подписывает предписание «О запрещении частным лицам обучать детей в войске Черноморском и принимать в военную службу неокончивших казенных учебных заведений». В нем запрещалось обучать детей частным лицам и родители обязывались отдавать детей на учебу в общественные или частные учебные заведения. Никто, кроме дворян, не окончив положенных по уставу учебных заведений, не принимался ни в военную, ни в гражданскую службу. Но эти указания атамана выполнялись плохо. Как писал смотритель Екатеринодарского уездного училища протонерей К. Россинский, основная часть родителей обучали своих детей при частных учителях.

А как свидетельствуют документы, первая офици-

альная школа или как ее называли казачья, была построена в Екатеринодаре в 1803 году, в 1804 году, после утверждения Министерством народного просвещения, она была преобразована в Екатеринодарское уездное училище. Оно разместилось в деревянном рубленом доме под железной крышей, имело два класса и при них нижнее отделение. 20 мая 1820 года в Екатеринодаре была открыта войсковая гимназия.

Забываясь о просвещении своего войска, атаман Ф. Бурсак обратился к жителям Черномории, «изъявившим желание содействовать развитию школы» с предложением о денежных пожертвованиях на это дело. Такое отношение атамана к просвещению было отмечено правительством, которое выразило ему «благодарение за заботы о просвещении войска».

Первые десять сельских школ были приходскими, т. е. само население несло все расходы по ним. Они стали функционировать в 1812 году в станицах Брюховецкой, Гривенской, Щербиновской, а несколько позднее в Роговской, Темрюкской, Медведовской, Кушевской, Леушковской, Пластуновской.

Много сил и энергии затратил на организацию этих учебных заведений Кирилл Васильевич Россинский (1775—1825 г.г.) — первый просветитель в Черномории, ученый, общественный деятель, поэт, гуманист. Сохранившиеся исторические архивные документы свидетельствуют о большом безвозмездном труде этого человека, который не щадя сил и собственных средств вел работу по распространению «просвещения в земле войска Черноморского». На одни поездки по делам просвещения он израсходовал 18 тысяч собственных средств, не требуя возмещения за казенный или войсковой счет. Историк Ф. Щербина назвал К. Россинского фанатиком просвещения. «Протоиерей Россинский — писал он, — был редким для своего времени личностью. Он целой головой стоял выше той административно-служебной среды, в которой ему пришлось вращаться всю жизнь. По образованию и уму ему не было равного в войске. По энергии и бескорыстию он был единственным в своем роде деятелем». За успехи в просвещении казачества Россинский неоднократно отмечался начальством. Так, от училищного комитета

Харьковского императорского университета за примерную ревнивость и усердие к исполнению должностей и похвальные труды в распространении просвещения в земле войска Черноморского удостоивался совершенной благодарностью.

А вот как характеризует К. Россинского кубанский исследователь В. Бардадым: это была крупнейшая личность на Кубани тех лет; наиболее яркие страницы его жизни связаны с открытием им церковно-приходских училищ и изданием «Кратких правил российского правописания». Он избирался действительным членом Харьковского университета, членом-корреспондентом Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, а так же почетным членом этого общества. В его доме, находившемся при духовном училище, всегда жило несколько сирот, для которых он был и родным отцом, и наставником. В одном из документов сообщается, что К. Россинский «в некоторые годы человек по 12 воспитывал на собственном своем иждивении единственно для распространения народного просвещения...»

Благодаря усилиям К. Россинского к 1820 году в Черномории было 11 училищ. Учащихся в Черноморских приходских училищах к 1820 году насчитывалось 300 человек. По тому времени это считалось роскошью, особенно в Черномории, краю молодом, мало населенном и недостаточно экономически окрепшем. Для сравнения можно привести такие данные: в соседней более населенной и богатой земле довских казаков было всего три приходских училища. Но нужно отметить, что приходские училища в Черномории владели жалкое существование. Вот как характеризует их К. Россинский в одном из своих рапортов: в войске Черноморском из 40 приходов только 10 имели приходские училища (в царской России учебные заведения школьного типа, кроме церковно-приходских школ, назывались училищами). Но и в тех не в каждом были приспособленные помещения и способные учителя, обеспеченные умеренным жалованием. Из десяти — только четыре (Таманское, Щербиновское, Брюховецкое, Гривенское) более или менее были обеспечены процентами от пожертвований.

После подавления восстания декабристов реакция обрушилась и на просвещение. По приказу царя в 1828 году была ликвидирована Екатеринодарская войсковая гимназия, сократилось число приходских школ. «Ведомости об учебных заведениях, состоящих в земле войска Черноморского» за 1832 год констатировали: школ в войске Черноморском — шесть, учителей — девять, учеников — двести два, окончило школу в 1832 году 28 ребят. В безграмотном и темном казачестве царизм видел свою опору. Даже о чиновниках канцелярии Екатеринодара говорили: ...«пишут без препинаний и читают с трудом; смысла в их бумагах не доискивайтесь».

Вплоть до 60-х годов открытие школ в Черномории шло очень медленно. Еще хуже обстояло дело на «линиях».

Старая и Новая линии имели много общего в своей исторической структуре и обстановке. В обеих частях были одинаковый уклад культурной, гражданской и хозяйственной жизни. Ни на Старой, ни на Новой линиях не существовало ни общих войсковых земель, ни общих хозяйственно-войсковых, как на Черномории, интересов.

Ф. Щербина отмечал: «В первое время на Линиях совсем не было школ, и только одни староверы поддерживали грамотность «домашним путем», да канцелярии плодили писарей из молодежи. В 1826 году, через тридцать лет существования Старой Линии, в ней не было еще ни одной официальной школы, между тем, как на Черномории в это время функционировали не только низшие школы, но и школы уездного типа и гимназии. Намного позже на Линиях были заведены бригадные школы, подготовлявшие, главным образом, писарей. Школьное же дело вообще налажено было только с момента соединения в 1860 году линейцев и черноморцев в одно Кубанское казачье войско.

60-е годы XIX века отмечены событиями, которые положительно повлияли на состояние дела народного просвещения. В этот период встал вопрос не только о расширении народной школы, но и о всеобщем начальном образовании.

Поражение в Крымской войне, показавшей «гни-

лость и бессилие крепостной России», массовость крестьянских восстаний, революционная борьба Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова за действительное освобождение крестьянства, студенческие волнения еще более усиливали нарастание кризиса всего феодально-крепостнического строя и назревание революционной ситуации 1859—1861 годов. В таких условиях буржуазные реформы и прежде всего «крестьянская реформа», отменившая крепостное право, стали объективной необходимостью.

В 1864 году царское правительство утверждает «Положение о начальных народных училищах», в котором определена их главная цель: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные сведения».

Развивающиеся новые капиталистические отношения вновь и вновь поднимали вопрос о необходимости введения всеобщего обязательного начального образования. Было ясно, что просвещение народа нужно не только для поднятия его грамотности, но и для экономического состояния Кубанской области. Боясь пробуждения самосознания народа, царское правительство всячески урезало возможности распространения грамотности среди населения, особенно сельского. Все проекты о народном образовании, принятые после реформы 1861 года, лишь на словах давали право бедному крестьянину учиться и учить своих детей. Фактически, правительство самоустранилось, переложив на плечи народных масс содержание школ и училищ. Правда, казаки учились бесплатно, за счет станичных и сельских обществ. А иногородние сами оплачивали свое обучение в училищах. В первые пореформенные годы в Кубанской области по-прежнему было мало учебных заведений, да и посещать их могло лишь около восьми процентов детей ученического возраста. Чтобы поднять интерес населения к образованию, наказной атаман казачьего войска генерал-адъютант граф Сумароков-Эльстон издал циркуляр (от 19 апреля 1868 года за № 648) о приглашении станичных обществ, духовенства, окружных начальников, бригадных и полковых командиров принять участие в открытии школ в стани-

рию адыгейского народа. В предисловии к грамматике Ногмов писал: «Я сделал, сколько мог, и старался сделать сколько возможно лучше. Молю Провидение и единого бога, якобы явился мне последователь в любви к народному языку... но последователь более искусный и сведущий».

Ссылыные декабристы и близкие им по духу люди, служившие в Кавказской армии, с уважением относились к Ш. Ногмову, делились с ним своими взглядами, мечтами, настроениями и в меру сил своих и армейских условий помогали ему приблизиться к передовой русской культуре того времени. Постоянное общение с передовыми русскими людьми благоприятствовало достижению благородной цели.

Адыги с несокрушимой верой в будущее устами своего просветителя Ш. Ногмова пророчили: «Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги, письмо».

В конце XIX века П. Острянов, побывавший на Северном Кавказе и проживший среди адыгов полгода, писал: «Им дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы, хотя в русском переводе, сохранил заветные песни... но работа чрезвычайно трудная, требующая не просто стенографа, а поэта и знатока народной поэзии».

Адыгейский ученый Ш. Х. Хут справедливо отмечает: «Пробудившееся под воздействием прогрессивных идей русского общества национальное самосознание адыгов и других народов Северного Кавказа способствовало появлению адыгских писателей-просветителей. На формирование их взглядов и творческую деятельность большое влияние оказали декабристы, революционные демократы, русская классическая литература».

Просветительство явилось важной вехой в общественном и культурном развитии адыгов за всю их дореволюционную историю. Оно свидетельствовало о существовании мощного резерва политической и культурной энергии народа.

ПЕРВЫЕ ШАГИ КНИЖНОГО ДЕЛА

В государственном архиве Краснодарского края хранятся документы, свидетельствующие об открытии в 1805 году в Черноморском войсковом училище библиотеки. Туда из войскового собора Екатеринодара было передано книг 165 названий. Вскоре эта библиотека пополнилась книгами Харьковского университета. Так появилась в городе первая светская библиотека. В ней было десять томов «Древней истории», «Разговоры о множественности миров» Фонтенеля, «Слово и речи» Феофана Прокоповича.

Более всего в этой библиотеке было представлено книг по гражданской истории, по истории религии. Встречались издания по физике, географии, математике и популярные книги по медицине, животноводству. В реестре училищной библиотеки значатся... популярный в то время «Домашний лечебник» Г. Пекена и даже «Похождение Дона Херубина».

Но определенной системы в распространении книги среди казачества не было. Литератор В. Ф. Золоторенко характеризует следующим образом состояние книжного дела на Кубани в 40-е годы прошлого столетия: «Чтением книг не многие из чиновников занимаются. Мало получается журналов. На весь город выписывают их не более пяти человек: да и тут медицинские и регулярные чиновники участвуют. В домах аристократов иногда заходит речь о литературе, о сочинениях того или другого писателя. Тут сравнивают одного с другим и общими силами рассказывают содержание какой-либо повести или романа. Но библиотеки, даже посредственной, нет ни у одного черноморца. Об открытии публичной библиотеки никому и на мысль не приходит... Занимаются чтением также из числа дам самое ограниченное число».

Но постепенно, под влиянием общественного мнения, сформированного деятельностью ссылыных декабристов, передовыми людьми, литераторами на Кубани началось

движение за организацию общественных библиотек, и открытие для широкой публики училищных книжных фондов. Были узаконены библиотеки в воинских частях и соединениях.

К середине июня 1843 года все 20 укреплений Черноморской береговой линии были укомплектованы библиотеками. Каждая из них содержала 170 книг 68 названий. Кроме того, некоторые библиотеки пополнялись путем добровольных пожертвований офицеров. К примеру, для комплектования Новороссийской библиотеки размер пожертвований определялся следующий: «...с подполковников — 5 рублей, с майоров — 4 рубля 50 копеек, с капитанов — 4 рубля 10 копеек, со штабс-капитанов — 3 рубля 80 копеек, с поручиков — 3 рубля 20 копеек, с подпоручиков — 2 рубля 80 копеек серебром, с рядовых — по две копейки с рубля.

Вначале, наряду с книгами по военному делу, казенными инструкциями, в воинских библиотеках имелись «История Государства Российского» Карамзина, «История русской церкви» Муравьева, «Полная Российская история» Устрякова, а также сочинения А. Пушкина (11 частей), В. Жуковского (8 частей). Постепенно эти библиотеки приводятся в соответствие с коренными правилами, выработанными правительственной комиссией во главе с Аракчеевым и потеряли свой прогрессивный характер. Они стали «приготовлять офицеров наилучшим образом на пользу службы монарху». Укомплектовываться эти библиотеки стали исключительно военно-уставной литературой. Процесс этот продолжался вплоть до 60-х годов. Постепенно интерес общественности к библиотекам возрастал, однако процесс их развития шел медленно. Причиной были, с одной стороны, полное отсутствие твердой материальной базы, с другой — правительственные ограничения. И все же потребность в книге была уже настолько реальной, что войсковые власти, удовлетворяя желания казаков, открыли для общего пользования библиотеки Полтавского, Уманского и Ейского уездных училищ. Тогда же были выработаны правила пользования училищными библиотеками, согласно которым каждый желающий мог брать на дом книги для чтения. При этом платил в год 3 рубля и сверх того вносил в залог 5 рублей. Ученики бедные, но способные и любознательные пользовались книгами бесплатно. Выбором книг руково-

дили преподаватели. А библиотекарь выдавал книги не иначе, как под расписку преподавателя или смотрителя училища.

Но, как свидетельствовал рапорт попечителя Кавказским учебным округом, «...открытые в Полтавской, Уманской, Ейской библиотеки для пользования ими публики довольно бедны книгами, так что они не представляют не только достаточного материала для пользования оными публикой, но и необходимых пособий для преподавателей. Суммы, назначенной им, едва хватает на выписку самых необходимых пособий. Для пополнения книгами этих библиотек было написано прошение Харьковскому книготорговцу Петру Апарину, который выполнил этот заказ. Кроме того, в 1864 году наказной атаман Кубанского казачьего войска получил рапорт об учреждении окружных, бригадных и полковых библиотек. Там же высказывалась мысль о составлении соответствующих каталогов.

Получают на Кубани развитие и общественные библиотеки. В правилах для общественных библиотек, утвержденных наказным атаманом в марте 1865 года, была четко определена их цель: «Библиотеки должны удовлетворять умственные потребности класса образованного... и в то же время содержать легкую здоровую умственную пищу для класса малообразованного».

Самые значительные библиотеки были в станицах Староцербиновской, Староминской, Новоцербиновской, Успенской.

С 1873 года в сельских школах начинают формироваться учительские и ученические библиотеки. Они имели, в основном, журналы «Народная школа», «Русский народный учитель», а также педагогические сочинения. В ученических библиотеках имелись книжки для чтения. В 1871 году войсковое хозяйственное правление разослало 160 сельским школам книги на 1925 рублей, а с 1873 по 1880 годы станичные училищные библиотеки были снабжены за счет войска книгами и разными пособиями на сумму 14649 рублей.

Получают развитие и народные библиотеки, которые формировались за счет пожертвований. Жертвовали интеллигенция, купцы и простые «землепашцы». «Кубанские областные ведомости» сообщали, к примеру, что в

содержал 3089 названий книг русских писателей, а остальные — были разбиты на отделы:

- книги духовного содержания — 313 названий;
- по истории русской и всеобщей мифологии — 376 названий;
- библиографические издания — 86 названий;
- по географии и о путешествиях — 364 названия;
- по истории словесности — 1258 названий;
- по естествознанию и сельскому хозяйству — 438 названий;
- по ремеслам и производству — 21 название;
- книги разного содержания и словари — 41 название.

Кроме того, в перечень вошли периодические издания — всего 88 названий, из них — 21 — газеты. Каталог не содержал рекомендуемых для чтения книг детям.

В мае 1990 года были изданы «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними». По этим правилам народные библиотеки могли быть открыты только с разрешения губернатора, которому было представлено и право закрывать их без объявления причин. Перечень книг, разрешаемых для народных библиотек был крайне немногочислен. К середине 90-х годов в него входило около трех процентов разрешенных цензурой книг.

В 90-е годы на Кубань проникают произведения основоположников марксизма. Тут же следует строгий циркуляр Министерства внутренних дел от 26 января 1894 года «О запрещении выдавать в публичных библиотеках, изданный в России, второй том «Капитала» К. Маркса. В фондах государственного архива Краснодарского края хранятся документы, свидетельствующие о распространении сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, других изданий. Органы царской охраны изъяли марксистскую литературу в библиотеках станиц Баталпашинской, Новомихайловской, Анапской, Усть-Лабинской, Ахтырской. Конфисковывались и книги Л. Толстого, «как явно вредоносное направление против существующего порядка».

В конце 80-х годов прошлого столетия в некоторых станицах Кубанской области стали открываться библиотеки-читальни, чайно-читальни, просто читальни. В станице Успенской, к примеру, по праздникам чайно-читаль-

ня собирала всегда много посетителей. Книги здесь были, в основном, религиозно-нравственного, популярно-научного и бытового содержания. Плата за вход устанавливалась в пять копеек. Посетителю давалось три кусочка сахара и «кто сколько хочет чаю». Запрещалось входить людям нетрезвым и не позволялось курить в общем помещении. Пополнялись читальни на средства станичных и сельских обществ, частью на средства Кубанского попечительства о народной трезвости. К примеру, в хуторе Праздничном для читальни за счет пожертвований было построено специальное здание. Из станицы Усть-Лабинской в дар читальни были присланы собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя. А в станице Екатериновской открывшаяся читальня была названа «Пушкинской» в честь 100-летия со дня рождения поэта... Эта читальня содержалась на средства от любительских спектаклей и представлений.

Многие библиотеки-читальни имели свой устав. К примеру, в уставе библиотеки-читальни хутора Нозогородного (Ейский отдел) было записано, что читальня должна давать возможность всем жителям хутора без различия пола, возраста, звания и состояния безвозмездно пользоваться книгами и периодическими изданиями в помещении читальни, а также для чтения на дому. Библиотекой-читальней заведывало правление из трех человек — председателя и двух членов, назначенных обществом. Книги выдавались под залог. Для посетителей имелась специальная книга, в которой они записывали свои пожелания по выписке новых книг, газет, журналов, а также замечания или недостатки в работе библиотеки.

Кроме библиотек и читален власти Кубанской области разрешили производить торговлю книгами и периодическими изданиями в станицах и селениях. Книжная торговля была открыта согласно каталога, который утверждал атаман Кубанского казачьего войска. Часто книжную торговлю вели сами крестьяне.

К 1907 году в Кубанской области было известно 78 точек книжной торговли, которые были открыты в 89 станицах и хуторах. Так, известная торговля книгами в станицах Медведовская, Староминская, хуторе Романовском. В 1916 году руководство Владикавказской железной дороги ввело вагоны-библиотеки по линии Ростов — Владикавказ и Тихорецкая — Царицын.

Для снабжения книгами учительских, ученических и народных библиотек, распространения литературы понадобились книжные склады. Решение об открытии книжного склада в Кубанской области войсковым начальством было принято в 1876 году. С октября 1876 года по 1881 год войсковым книжным складом было продано книг на сумму до 30 тысяч рублей.

Кроме книжного склада, продажа книг и учебных пособий производилась в 2-классных училищах селения Армавир, станиц Уманской, Таманской, а также одноклассных — Новороссийском и Баталпашинском. На прибыли, получаемые от продажи книг, войсковой книжный склад снабжал безвозмездно книгами беднейшие школы. Так, с 1876 года по 1880 год таких библиотек было 15 и снабжены они были книгами на сумму 750 рублей.

С 1889 года прибыли книжного склада стали поступать в казну Кубанского казачьего войска и возможность помогать бедным школам исчезла.

Но основное назначение книжного склада — обслуживание станичных школ — оставалось одним из главных. Об этом было подчеркнуто в циркуляре Директора народных училищ Кубанской области от 27 января 1904 года: «...книжные склады предназначены для продажи таких книг, которые предназначались для низших учебных заведений и для народных чтений, особенно в станицах».

Анализ документального материала показал, что к концу XIX века библиотеки были практически организованы во всех сельских учебных заведениях Кубанской области. А за 25 лет их существования в каждой из них увеличилось число томов с 266 до 1210.

Таким образом, станицы, другие сельские населенные пункты Кубанской области получили возможность хоть как-то удовлетворять свои потребности в чтении книг, газет, журналов. Кроме того, открывшаяся торговля книгами во многих станицах области, а также распространение дешевой доступной литературы среди населения книгоношами послужили причиной повышения интереса к чтению у сельских жителей Кубани.

ФОРМЫ РАБОТЫ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

«У казаков и крестьян кабак составляет единственное развлечение, так сказать, своего рода общественный клуб», — писала газета «Кубанские областные ведомости» в 1880 году.

Действительно, праздничное и свободное от работы время многие селяне проводили в питейных заведениях. В каждой станице насчитывалось по нескольку, иногда больше десятка, различных питейных заведений — трактиров, духанов, погребков, постоянных дворов и т. п. В станице Усть-Лабинской, например, на базарной площади, размещалось три духана и в них всегда было полно посетителей.

Питейные заведения служили одурманиванию станичников. «Наше село, — писал корреспондент «Кубанского курьера» из станицы Федоровской, — обогатилось еще двумя «просветительными» учреждениями... харчевнею и пивной. В нашей станице кабачная культура свила себе гнездо, рассадники же этой культуры, как грибы после дождя растут, а вместе с ними растет и преступность». Из станицы Терновской «Кубанский курьер» в январе 1914 года сообщал, что «за истекший год от торговли двух казенных пивных лавок, трактиров, пивных и винных, насчитывается оборот 300 тысяч рублей. В 1913 году питейными заведениями было продано казенного вина, указывалось в отчете начальника Кубанской области, 245417 ведер. Мужчины в духанах и монопольках проводили значительную часть своего досуга. Здесь часто возникали драки. Бойкая торговля спиртными напитками шла на ярмарках. Во многих станицах получил сильное развитие «картежный микроб». «Играют все — от мала до велика, от безусых гимназистов до дряхлых стариков. Играют повсюду, чуть ли не на каждом шагу, играют в кофейнях, духанах, кабаках, а с наступлением

— любительское общество драматического искусства Армавира;

— Лабинское образовательно-артистическое общество.

— Армавирское просветительное общество;

— общество взаимопомощи учащихся и учившихся города Темрюка;

— Ейское общество любителей изящных искусств;

— Екатеринодарское артистическое общество;

— и другие.

В станицах области наиболее успешно действовали следующие общественные культурно-досуговые организации:

— общество вспомоществования учащимся мужской 2-х классной, женской начальной и церковно-приходской школ станицы Константиновской Лабинского отдела;

— общество «бедным учащимся школ» в станице Полтавской Темрюкского отдела;

— общество любителей литературы ст. Отрадной Баталпашинского отдела;

— музыкальное общество в селе Великокняжеское;

— детское общество «Майские союзы» в станице Лабинской;

— общество содействия начальному образованию среди детей иногородних станицы Куцевской;

— общество помощи нуждающимся учащимся станицы Баталпашинской (подобные общества действовали в 19 станицах области);

— общество содействия народному образованию в станице Славянской;

— общество трезвости (под названием «Линда») в селе Ливонском;

— общество содействия народному образованию в станице Вознесенской;

— женское общество содействия народному образованию в хуторе Романовском;

— общество содействия открытию учебных заведений и помощи учащимся Ейского отдела;

— Псебайское общество содействия народному образованию иногородних;

— Литературно-музыкально-драматическое общество станицы Уманской;

— образовательно-артистическое общество станицы Лабинской;

— театральное общество станицы Крымской;

— театральное общество Темрюкского отдела.

Одно из первых в Кубанской области стало действовать «общество распространения в народе грамотности и полезных знаний» (1901 г.) «Кубанские областные ведомости» опубликовали проект устава этого общества. В нем говорилось: «общество имеет целью исследование и посильное удовлетворение нужд общего и профессионального образования в пределах существующих указаний». Общество составлялось из лиц обоего пола всех сословий, кроме «подвергавшихся ограничению по суду и нижних чинов, состоящих на действительной службе». В работе общества принимали участие ученые, журналисты, чиновники, учителя и лица интеллектуальных профессий. Члены общества разделились на почетных, действительных и соревнователей. Действительными членами считались те лица, которые вносили в кассу общества не менее 3-х рублей в год; внесшие менее 3-х рублей, но не менее 1 рубля, считались соревнователями; внесшие единовременно не менее 50 рублей считались пожизненными действительными членами общества. Управление делами общества осуществляло общее собрание и правление. Средства общества составлялись из ежегодных взносов его членов, из единовременных и постоянных пожертвований и пособий от частных лиц, учреждений и обществ деньгами и всяким имуществом. Правление общества было подотчетно только данному обществу и пользовалось значительной самостоятельностью. Энергичная деятельность, которую оно развернуло в первый период своего существования, привлекла к нему радикальную мелкобуржуазную интеллигенцию.

На наш взгляд значительный исторический и практический интерес представляет Устав этого общества.

Основное содержание его заключалось в следующем:

1. Цель общества.

1. Общество имеет целью исследование и посильное удовлетворение нужд общего и профессионального образования в пределах существующих указаний. Для достижения этой цели общество:

а) открывает в области новые общеобразовательные и профессиональные училища и отделения;

В станице Миигрельской такой клуб был преобразован из чайно-читальни. При нем была чайная и библиотека. Здесь устраивались собеседования, семейные вечера, концерты. Такие клубы имели успех у населения. Вот, к примеру, как проходил один из воскресных вечеров в клубе станицы Ивановской. «Присутствовало там около 25 человек, преимущественно казаков. Человек пять из них пили чай, другие читали «Вестник трезвости» и брошюры о Куликовской битве. Часть присутствующих играла в шашки. Слышны были невинные остроты и веселые восклицания при удачном ходе одного или при оплошности другого игрока».

Несмотря на все официальные запреты, общественные культурно-досуговые организации и учреждения сыграли положительную роль в культурном воспитании казачества и иногородних, городского населения Кубанской области, оказали определенное влияние на культурную жизнь кубанских станиц.

ЛИТЕРАТУРА, ПЕЧАТЬ, ИСКУССТВО В ЖИЗНИ КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ

У кубанцев была и своя литература. Основные темы литературных работ касались Черноморья, близких уму и сердцу событий казачьего войска. Сами произведения относились больше к истории и науке. Первые работы были написаны казачьим старшиной Мокнем Гуликом. Он первый составил официальное статистическое описание в форме табличной «Ведомости» с краткими, но ценными данными и для науки и для практических целей казачьего войска.

У черноморцев были свои оригинальные произведения. Как на типичные можно указать на сочинения последнего наказного атамана из черноморских казаков генерал-майора Якова Герасимовича Кухаренко (1799—1862). Во время одной из своих поездок в 1842 году в Санкт-Петербург Кухаренко познакомился с Т. Г. Шевченко и их дружба продолжалась более двадцати лет. В труднейший период жизни поэта мирового разряда, когда он находился в оренбургской ссылке, Кухаренко, несмотря на строжайший запрет, переписывался с ним и даже, рискуя сам попасть в царскую немилость, пересылал стихи опального поэта друзьям. Дружба взаимно одухотворяла их жизнь и творчество.

Я. Кухаренко совместно с есаулом А. М. Туренко в 1834—1836 годах составил самую первую работу по истории Кубани под названием «Исторические записки о войске Черноморском», со времени поселения этого войска на Кубани по 1827 год. Я. Кухаренко стал автором пьесы «Черноморский быт», поэмы «Харько, запорожский кошевой».

В сороковые годы XIX века появились «Черноморские казаки» И. Д. Попки, а в 1874 году — «Черноморцы» П. П. Короленко. В последней четверти XIX века было напечатано много исторических работ и архивных материалов по Черноморскому войску, а в начале XX

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVII века. — М.: Наука, — 1988.

История (сборник статей). — Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. — Майкоп, 1972.

Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л., — 1978.

Источниковедческие исследования по истории Кубани. Ответс. ред. Недосекин В. — Краснодар, — 1975.

Иванов П. Переселение запорожцев на Тамань. //Киевская старина. — 1891, — т. 34—37 (июль). — с. 133—141.

Инструкция исполнительской комиссии по заведыванию Екатеринодарской библиотекой им. А. Пушкина. Утв. городской Думой 22 декабря 1901 г.

Кавецкий А. Первоначальное физическое воспитание у абдзехов, темиргоевцев и других племен горцев, населяющих Майкопский уезд Кубанской области. — Екатеринодар, — 1879, — № 2.

Кавказ //политическая и литературная газета. Издавалась в 1810—1894 г.г. в Тифлисе.

Кавказский учебный округ.

Отчет о состоянии женских гимназий и прогимназий за 1885 г. — Тифлис, — 1896.

Кавказский учебный округ.

Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1898. — Тифлис, — 1899.

Кавказский учебный округ.

Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1909 г. — Тифлис, — 1910.

Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. — М.: Наука, — 1981.

Казаки кубанские. См.: История народов Северного Кавказа (начало XVIII—1917 г.г.). — М., — 1988.

Казначеева Т. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. — 1961, — УЗСГПИ, вып. I.

Калоев Б. Культура народов Северного Кавказа в дореформенный период (до 1861 г.). В кн.: История народов Северного Кавказа. — М.: Наука, — 1988.

Калайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института 1863—1913 г.г. — Екатеринодар, — 1913.

Каменев С. Краткий очерк летних курсов пения, бывших в 1896 году в г. Екатеринодаре. //Русская музыкальная газета, — 1896, ноябрь.

Карлагоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черноморья. Русский вестник, М., 1860, т. 28, кн. 2.

Керашев Т. Дочь шапсугов. — Майкоп, — 1957.

Керашев А., Чирг А. История Адыгей (с древнейших времен до конца XIX века). — Майкоп, — 1991.

Киржинов С. Система воспитания адыгов (черкесов) в прошлом. — Тбилиси, — 1977 (ГПБЛ ОД).

Кирей Н. Традиционные дворовые постройки и временные жилища кубанских казаков (конец XIX в. — 20-е годы XX в.). — Материалы региональной научной конференции «Историко-культурное наследие народов Северного Кавказа». — Краснодар, — 1990.

К истории Кубанского края (документы и материалы). //Кубанский сборник, т. IX. — Екатеринодар, — 1903.

Княшко И. Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанской области казачьего войска 1811—1911 г.г. Исторический очерк столетия их существования. — Екатеринодар, — 1911.

Княшко И. Войсковой протоирей О. Кирилла Россинский (1774—1825). //Кубанский сборник на 1913 год: труды Кубанского областного статистического комитета под ред. Соколова Л., т. 18. — Екатеринодар, — 1913, с. 525—634.

Кирилов П. Краткий очерк колонизации Кубанской области. //Кубанские областные ведомости, — 1892, № 26.

Кирилов П. Станица Рязанская (бывшая Губановская): историко-статистическое описание. //Кубанский сборник: труды Кубанского статистического комитета под ред. С. Руденко, т. 9. — Екатеринодар, — 1903, — с. 113—158.

Кирилов П. Новоминская станица. Статистическое описание. Кубанский сборник. Труды кубанского областного статистического комитета под ред. Фелицина, т. I. — Екатеринодар, — 1883, с. 618—642.

Коджесау Э. Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем. Рук. канд. дис., — М., 1954.

Коджесау Э. Об обычаях и традициях адыгейского народа. — УЗАНИИ, 1968.

Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. — М., — 1890, — т. I.

Козенкова В. Кубанская культура. Восточный вариант. — М., — 1977.

Козлов В. Опыт изучения особенностей культурного развития советского доколхозного крестьянства. //История СССР, — 1978, № 5.

Короленко П. Клейноды Черноморских казаков: (Историческая справка). Кубанский сборник: Труды Кубанского областного статистического комитета под ред. Соколова Л., т. 17. — Екатеринодар, — 1912, с. 419—438.

Короленко П. К истории Кубанского края. — Екатеринодар, — 1908.

Короленко П. Головатый Кошевой атаман Черноморского казачьего войска. //Кубанский сборник. — Екатеринодар, — 1905, — т. II.

Короленко П. Двухсотлетие Кубанского войска. — Екатеринодар, — 1897.

Короленко П. Азовцы. Киевская старина. — 1891. — т. 34, № 7 (июль), с. 53—74, № 8 (авг.), — с. 171—194.

Короленко П. Черноморцы на Кубани. Памятная книжка Кубанской области на 1876 год под ред. Фелицина Е. — Екатеринодар, — 1876, — с. 113—144.

Короленко П. Черноморское казачье войско (1775—1792 г.г.). — Екатеринодар, — 1892.

Короленко П. Записки по истории Кубанского казачьего войска. Кубанский сборник, т. XVIII. — Екатеринодар, — 1913.

Корошин А. Хлеб изгнания: документальная повесть. — Ставрополь, — 1977.

Корчмарский И. Становление и развитие музыкального самодей-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Становление общеобразовательной школы и системы народного образования.	18
Просветительская деятельность декабристов.	41
Первые шаги книжного дела.	51
Формы работы культурно-досуговых организаций.	59
Литература, печать, искусство в жизни кубанской станции.	81
Библиографический обзор: основные источники и исследования по истории культуры кубанских станций.	102

**Ирина Ивановна Горлова,
Алексей Иванович Манаенков,
Валентина Ивановна Лях**

**Культура кубанских станций.
1794 — 1917. Исторический очерк.**

Редактор **В. П. Недушкин.**
Художник **С. В. Тараник.**
Технический редактор **Л. И. Гречко.**

Сдано в набор 11.12.92. Подписано к печати 20.04.93. Формат бумаги 60x84/16. Бумага типографская. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 7,6. Тираж 2500. Заказ 5302.
Сочинское полиграфическое производственное предприятие департамента печати и массовой информации Краснодарского края, 354000, г. Сочи, ул. Советская 42.

Книжное издательство «Южная звезда».
350048. Краснодар, ул. Коммунаров, 59.